

11. *Красин, Ю. А.* Политическое самоопределение России: проблема выбора / Ю. А. Красин // Полис. – 2003. – № 1.
12. *Латынина, Ю.* Киндерсюрприз-2, или Экономика дуршлага / Ю. Латынина. – Режим доступа: <http://www.ej.ru/?a=note&id=8575> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
13. *Маслов, О.* Исторические перспективы «суверенной демократии» в России или «суверенная демократия» как архаичный формат суверенности элиты / О. Маслов, А. Прудник. – Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2006/10/16/khrushdem/> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
14. *Радзиховский, Л.* Не буди лихо, пока спит тихо / Л. Радзиховский // Российская газета. – 11.03.2009.
15. *Развитие* российской модели демократии. – Режим доступа: <http://www.giocenter.ru/ru/news/268> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
16. *Система* работает. Владислав Сурков выступил на форуме «Стратегия – 2020». – Режим доступа: http://edinros-kuban.ru/news/news_release/05-03-09-05.html (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
17. *Сурков, В.* Национализация будущего / В. Сурков. – Режим доступа: <http://www.edinros.ru/news.html?id=116746> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ МИГРАЦИИ (РОССИЙСКИЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ)

С.Г. Жихарев
(Россия, г. Краснодар)

Ключевые слова: миграция, регион, конфликты, толерантность.

Key words: migration, region, conflicts, tolerance.

В современном мире миграция является одной из проблемных зон как большой, так и региональной политики. Вопросы и трудности, вызванные с этим во много неконтролируемым процессом, носят как политический, так и социальный и культурный характер. Это, по сути, не одна, а целая система проблем, которая требует такого же системного подхода. В условиях мирового финансового кризиса эта проблема может действительно обостриться до уровня социально-политического конфликта как внутри России, так и за ее пределами. При этом следует отметить, что границы конфликта могут выходить за рамки официальных государственных границ или границ этнического проживания населения.

Академик РАН А.В. Дмитриев определяет *миграцию*, как такой тип перемещения людей, который завершается сменой постоянного места жительства [4, с. 20]. Для описания перемещения населения наряду с термином «миграция» используются такие, как «эмиграция» – выезд жителей из одной страны в другую на постоянное место жительства в надежде сменить гражданство и «иммиграция» – въезд в страну иностранцев с целью постоянного (либо длительного) в ней проживания и чаще всего получения гражданства страны-реципиента. Выезд из страны (эмиграция), как правило, не является конфликтогенным явлением, но иммиграция, и это объясняется различными причинами, как бы сталкивает интересы местных жителей (резидентов) и мигрантов» [4, с. 21]. А.В. Дмитриев утверждает, что иммиграция более конфликтогенна, чем эмиграция. Именно поэтому она требует и большего внимания.

Конфликт, связанный с миграцией, обычно касается взаимодействий двух основных участников: постоянных жителей, с одной стороны, и мигрантов – с другой. Зачастую он дополняется вмешательством властей, т.е. появлением третьего участника конфликта. Но в случае, когда мигранты идентифицируют себя с конкретным

этносом, то в этот процесс могут вмешаться и диаспоры (четвертая сторона). Основным признаком такого конфликта – восприятие участниками поведения друг друга как ущемление своих территориальных, материальных, политических и духовных устремлений. Соревнование групп ведется за укрепление своего статуса, сохранение своих ценностей и идентичности. Конфликтное напряжение вызывается тем, что каждая из сторон желает достичь успеха и тем уязвить противника [4, с. 22–23].

Чаще всего конфликт определяется как столкновение противоположных интересов и взглядов, вызванных существованием глубокой социально-политической и культурно-психологической дистанции. Эту дистанцию определяют расходящиеся цели и интересы, ценности и намерения как отдельных лиц, так и целых групп. В такой ситуации происходит нарастание, прежде всего психологической напряженности «между сторонами взаимоотношения, углубление противоречий, снижение критичности и осознанности происходящего, проявление бессознательных реакций и действий субъектов... Степень конфликтного дистанцирования может быть различной и зависеть как от социальных, так и от психологических факторов» [6, с. 178]. Именно углубление противоречий характеризуют существующую между участниками конфликта дистанцию. Возникающие в результате этого различия не примиряют, а напротив углубляют конфликтность. Академик А.В. Дмитриев определяет «дистанцию» как «восприятие различия статуса участниками взаимодействия. В практической деятельности поддерживается разными символами. В широком смысле мера сходства или различия в социальном статусе. С помощью изменения социальной дистанции определяется статус, потенциал как этнических, так и миграционных групп» [4, с. 408]. Причем наряду с этнополитическими и социально-экономическими сторонами этого конфликта также следует еще учитывать и психологию конфликтных ситуаций. В этих условиях нам следует более детально остановиться на общих принципах политической конфликтологии и выяснить некоторые ее принципиальные положения.

Временем возникновения современной политической конфликтологии следует считать середину XX столетия, когда появились первые специальные научные исследования на эту тему. В 1965 г. в ФРГ вышла книга известного германского политолога и политического деятеля *Ральфа Дарендорфа* «Классовая структура и классовый конфликт». Именно у Р. Дарендорфа конфликт впервые становится центральной категорией его социологии и политической науки. Более того, свою социологическую концепцию он так и назвал – «теорией конфликта».

Согласно данной теории, конфликты неизбежны и даже необходимы, поскольку само общество есть система взаимодействий между конфликтующими социальными группами. Не наличие, а отсутствие конфликта является чем-то удивительным и ненормальным. Его концепция «конфликтной модели общества» строилась на «антиутопическом» образе мира – мира власти, конфликта и динамики. По мнению Р. Дарендорфа «...конфликт является отцом всех вещей, т.е. движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной» [5, с. 147]. И далее Р. Дарендорф уточняет: «... Конфликт – это нечто большее, чем просто зло. Конфликт означает свободу, поскольку является единственным выражением многообразия и несовместимости человеческих интересов и желаний...» [10, р. 61].

Для него вся общественная жизнь является конфликтом, поскольку она изменчива. В человеческих обществах не существует постоянства, поскольку нет в них ничего устойчивого. Поэтому именно в конфликте находится творческое ядро всяких сообществ и возможность свободы, а также вызов рациональному овладению и контролю над социальными проблемами.

В отличие от марксизма Р. Дарендорф считал бесполезным ликвидировать причины социальных антагонизмов, чтобы покончить с конфликтами: они есть и будут. В любой системе есть неравенство социальных позиций, различие интересов, возможностей доступа к власти. Необходимо научиться «изменять течение конфликта», тогда перед обществом откроется перспектива не революций и изнурительных граж-

данских войн, а эволюции – структурные изменения общества могут происходить в рамках существующего строя [8, с. 32].

Р. Дарендорф подчеркивал, что точнее говорить об «урегулировании», а не о «разрешении» конфликтов, поскольку социальные конфликты обычно лишь ограничиваются, локализуются, преобразуются в другие, более приемлемые формы, тогда как термин «разрешение» ориентирует на их полную ликвидацию, что само по себе является утопией [10, р. 224].

Обратной стороной конфликтов является концепция толерантности. Миграция всегда балансирует на грани конфликта и толерантности. При этом в обыденном представлении толерантность понимается просто как некая терпимость к «чужому». Но границы этой терпимости весьма условны и ограничены лишь нормами той политической культуры, которая сложилась на данный момент в конкретно взятой стране.

Толерантность означает не столько терпение, сколько миролюбие. Залогом миролюбия является диалог, возможность понимать другого и в то же самое время быть понятным для других. В условиях пересечения социально-экономических и культурно-политических проблем, миграционные потоки могут как усиливать, так отчасти и разрешать конфликты. Все зависит от того насколько коренное население и пришлое могут вести диалог вошедших в соприкосновение дух своих культур?

Обычно в подобных ситуациях возникают конфликты. Но они не могут длиться вечно. Конфликт имеет свою динамику развития – становления, апогея и разрешения. Поэтому конфликт – это всегда динамика, которую можно как наращивать, так и уменьшать, в зависимости от существующих целей и задачи политики, экономики или культуры. Управляемые конфликты как раз и рассчитаны на то, чтобы помогать отдельным политикам решать те или иные задачи.

В настоящее время нет возможности говорить о том, что в отношении мигрантов даже в таких продвинутых областях соблюдения прав человека регионах, как Западная Европа, существует толерантное отношение. Несмотря на выдающиеся достижения в этих странах демократии и неоллиберализма, в восприятии населением «чужих» конфликтность преобладает над толерантностью. Политкорректность оказывается лишь на словах правящих элитных сообществ, но не в практике гражданской повседневности.

Наиболее остро эта проблема встала во Франции и Великобритании. На Британских островах «наибольшее недовольство выражают ирландцы, несмотря на то, что когда-то они и сами были не прочь поехать в гости к своей самой ближайшей соседке Англии и подзаработать денюжат. Как ни странно, но именно в Белфасте четыре года назад (2004) произошло несколько нападений на мигрантов из Азии и Африки. С тех пор в СМИ регулярно поступают новые сообщения об убийствах или нападениях на людей небританского происхождения» [7, с. 6].

Министр МВД Великобритании Тони Макнулти в этой связи заявлял: «Статистика свидетельствует, что работники из новых принятых в блок стран по-прежнему прибывают на работу в Англию. Они занимают незанятые рабочие места, помогая оказывать услуги обществу по всей стране, и способствуют развитию нашей экономики и общества» [7, с. 6]. Между тем, как отмечал министр, в конце 2005 г. количество заявок на работу стало сокращаться. В мае 2007 г. в Великобритании были ужесточены правила приема на работу – на работу могут приглашать только в том случае, если существует острая нехватка кадров в данной сфере. «Масла в огонь» определенно подливает неприязнь «коренного населения». Толерантность здесь существует только в качестве желательного, но не действительного условия взаимоотношения «пришлого» и «коренного» населения. Несмотря на всю культурность и воспитанность британцев, справиться им с «геном» агрессии против «чужих» бывает крайне сложно.

Политической наукой мигрантофобия определяется как «одна из разновидностей ксенофобии, характеризующаяся неприятием и ненавистью к мигрантам. Процесс острого проявления социальных противоречий, затрагивает, как правило, все стороны общественной жизни» [4, с. 410]. Она исключает наличие партнерства и переговоров в случае возникновения конфликтных ситуаций. Само ее наличие свиде-

тельствует о высокой степени угрозы и перерастания конфликта в открытую и активную фазу своего развития.

В самой России конфликты между коренным и приезжим населением могут происходить как на бытовом (например, незнание местных обычаев и языка), так и на социально-политическом уровне. Российские СМИ постоянно отмечают, что коренное общество (резиденты) всегда настороженно относилось и продолжает относиться к пришлому населению. При этом в формировании напряженного взаимоотношения нередко принимают участия и сами власти. Еще менее не «способствуют снятию такого напряжения публичные акции прокремлевских молодежных движений под лозунгами «Каждый второй – домой!», «Наши деньги – нашим людям!» и «Нелегал – вор!». При том, что эти лозунги сами по себе не призывают к насилию в отношении мигрантов, у граждан складывается четкое ощущение того, что власть не только допускает, но и приветствует негативное отношение к инородцам. Понятие «мигрант» и «нелегал» в общественном сознании стали почти синонимами, поэтому не стоит удивляться 300%-му росту преступлений на национальной почве. Экономические трудности – включает журналист, – лишь обостряют и без того непростые межнациональные отношения» [9, с. 8].

Сами россияне оказываются в той же самой ситуации, когда становятся мигрантами в страны Евросоюза или США. Ситуация напоминает здесь «зеркальное отражение» – реакция москвичей на приезжих из других регионов России примерно такая же, как и реакция жителей Британских островов на работающих у них иностранцев. «Согласно данным МВД Великобритании, после расширения Евросоюза в мае 2004 г. на работу в страну прибыло около 345,41 тыс. восточноевропейцев. Теперь и шагу нельзя ступить, не услышав напевной русской речи или украинской мовы. В какой магазин ни зайди, приобрести товар вам предлагают русоволосые девушки с подозрительным славянским акцентом... Гуляя по Оксфорд-стрит, иногда забываешь, что находишься в Лондоне. Вообще у британцев особенное отношение к иммигрантам из России и стран СНГ...» [7, с. 6]. Тот же источник отмечает, что «русские мигранты не единственные, кто обращает на себя внимание на Британских островах. Бесспорными лидерами являются польские граждане (59 % от общего числа приезжих). На втором месте идут литовцы (13 %), на третьем словаки (11 %) [7, с. 6].

По наблюдениям русских, живущих в Великобритании, они иногда сталкиваются с проявлением в отношении себя английского национализма. Подчеркнем – именно английского, «потому что шотландцам и валлийцам от англичан тоже достается» [2, с. 15]. В чем это проявляется? На бытовом и профессиональном уровне это выражается в простом умалчивании или «затирании» достоинства и творческих достижений мигрантов и приписывании их успешных результатов деятельности представителей своей национальности. Иными словами перед нами «бытовой плагиат», стремление во что бы то ни стало показать, что самое лучшее является результатом деятельности исключительно одних только англичан, а о самих русских англичане говорят либо плохо, либо ничего [2].

Одним из существенных факторов, мешающих развитию толерантного отношения к миграции, является коррупция. Именно она во многом провоцирует и поддерживает конфликтную ситуацию между коренным и пришлым населением. Коррупция одинаково вредна как для гражданского общества, так и для мигрантов, которые порой оказываются вне его социокультурного и политико-правового пространства.

Но есть одна сфера деятельности, где коррупция в равной мере бьет по интересам граждан и мигрантов. Это – строительство жилья. «С недвижимостью в России одна беда. По сути никакого рынка жилья в России не было и нет. Существой он, давно бы расставил все по местам. Цены на квартиры в нашей стране – не рыночная величина, а результат коррупционного сговора чиновников и приближенных к ним строительных компаний. Поэтому-то власти Москвы, Питера и ряда других городов совершают, казалось бы, абсурдно бредовые поступки. Например, под крики о том, что надо спасать несчастных, разоряющихся застройщиков (на деле – миллиардеров), скупают на бюджетные средства миллионы квадратных метров по безумно завышен-

ным ценам. Словно специально стараются взять подороже, пока пузырь не лопнул! В общем, – заключает журналист, – понятно, что на местные власти, которые по уши погрязли в квартирной коррупции, – надежд никаких. Они скорее вообще прекратят застройку, нежели допустят, чтобы жилье стало доступным» [3, с. 6]. От этой квартирной коррупции страдают как сами граждане России (эксперты шутят, что ипотека под 25 % годовых равнозначна смертной казни для тех, кто ее взял!), так и трудовые мигранты, занятые на этих стройках. Кризис в строительстве в первую очередь сказывается именно на них, поскольку именно они оказываются в числе первых потерявших работу.

Еще одной негативной тенденцией является криминализация взаимоотношений резидентов и мигрантов. Случаи насилия над мигрантами и самих мигрантов случаются достаточно часто там, где существует значительный культурный и социально-экономический разрыв между этими группами населения. В странах ЕС эта проблема стоит не менее остро, чем в других соседних с ними регионах. И Россия здесь не является исключением.

Москва является своего рода лакмусовой бумажкой всей России. Убийства и нападения на почве национальной неприязни становятся главной проблемой для столичной милиции. Столичные СМИ отмечают, что «напряжение в обществе нарастает пропорционально числу мигрантов. При этом милицейские операции и молодежные политические акции против нелегалов едва ли можно считать действенным средством борьбы с ксенофобией. «Статистика преступлений на национальной почве в 2008 г. побилла все рекорды. Москвичи совершили более 90 нападений на приезжих. По сравнению с 2007 г. рост таких преступлений составил 300 %» [9, с. 8].

Выше мы уже отмечали, что конфликт допустим в плане социально-культурного и политико-экономического развития и служит своего рода механизмом развития (согласно Р. Дарендорфу). Но совершенно недопустимо перерастание конфликта в открытую насильственную фазу. Одним из таких «подручных средств», способствующим устранению такого рода конфликтов, является продвижение идеи толерантности (диалога понимания) и повышения уровня доверия.

Аналитики отмечают, что в условиях мирового финансового кризиса (2008 г.) возрастает угроза конфликта среди той трудовой миграции, которая будет вынуждена вернуться из России в свои страны. «Напряженная социальная обстановка и отсутствие возможностей для легального заработка приведет к криминализации наиболее предприимчивой и физически здоровой части бывших мигрантов, росту уголовных преступлений, торговле и транзиту наркотиков, оружия, контрабанды» [1, с. 6].

В качестве традиционного средства развития толерантного отношения между резидентами и мигрантами является культурный диалог. Культурный диалог – это возможность на уровне своих национальных ценностей объяснить «другим», что вы собою представляете, и одновременно понять, что собою являют ваши собеседники? Культурный диалог направлен на сокращение дистанции существующий между лицами или группами его участников. В качестве не совсем традиционного средства такого культурного диалога следует отметить юмор.

Рассмотренные нами примеры конфликтов между резидентами и мигрантами характеризуют противоречивую природу миграции вообще и современного ее состояния в частности. С этой проблемой сталкиваются все государства мира. Поэтому мы вправе говорить о глобализации этого процесса и о том, что его можно решить только сообща. Отдельная страна, находящаяся один на один с этой проблемой (особенно с проблемой нелегальной, неконтролируемой миграции и неконтролируемого межэтнического конфликта, возникшего на его основе), может соблазниться решить эту проблему исключительно силовыми средствами, что означает непременно нарушение прав человека (репрессии, этнические чистки и т.д., как минимум, ведущие к гуманитарной катастрофе, а как максимум, провоцирующие кровопролитные социальные волнения и гражданские войны). Для избежание подобных катаклизмов, общество и государство должны научиться своевременно предупреждать конфликты и успешно их

разрешать. Те общества и государства, которые не умеют это эффективно делать, обрекают своих граждан на перманентный характер политического конфликта.

Выше мы уже отмечали, что рассматриваемый нами конфликт не имеет четких государственных границ. В условиях глобализации социально-политических процессов и при нарастании мирового финансового кризиса возможны «экспорт конфликта», его разрастания, особенно когда он приобретает неуправляемый характер. Для предотвращения этого «экспорта» власти и обществу надлежит заранее продумать ряд мер по нивелировке деструктивных отношений и выработки четких рекомендаций для всех участников этого конфликта.

Библиографический список

1. *Васильев, И.* Миграционный потоп / И. Васильев // Российские вести. – 04–10.03.2009. – № 8 (1950).
2. *Воронцов, А.* «Англичане о русских говорят либо плохо, либо ничего» / А. Воронцов // Известия. – 06–08.02.2009. – № 20 (27791).
3. *Гурдин, К.* Пятерка по экономике / К. Гурдин // Аргументы недели. – 25–31.12.2008. – № 52 (138). – С. 6.
4. *Дмитриев, А. В.* Миграция: конфликтное измерение / А. В. Дмитриев. – М., 2007.
5. *Дорендорф, Р.* Элементы теории и социального конфликта / Р. Дорендорф // Социс. – 1994. – № 5.
6. *Карабущенко, Н. Б.* Психологическая дистанция (в дихотомии «элита – масса») / Н. Б. Карабущенко. – М., 2002.
7. *Сергеенко, Е.* Понаехали тут... // Российские вести. – 24.12.2008. – № 45–46 (1941–1942).
8. *Тагиров, Э. Р.* Конфликты в обществе: от противостояния к согласию / Э. Р. Тагиров, Л. С. Тронова. – Казань, 1996.
9. *Уколов, Р.* Кризисный катализатор ксенофобии / Р. Уколов // Независимая газета. – 28.01.2009. – № 015 (4647).
10. *Darendorf, R.* Class and Class Conflict in Industrial Society / R. Darendorf. – Stanford Univ. Press, 1965. – 336 p.

ПРОБЛЕМА ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Ю.А. Дорохов
(Россия, г. Махачкала)

Ключевые слова: исламский экстремизм, религиозный экстремизм, ваххабизм, террористический акт, международный терроризм, Каспийский регион, Северный Кавказ, Дагестан.

Key words: islamic extremism, international terrorism, confessional extremism, wahhabism, terror act, Caspian region, the North Caucasus, Dagestan.

После распада СССР роль этнического и религиозного факторов на постсоветском пространстве быстро возросла и на протяжении всех последних полутора десятилетий неуклонно усиливалась, обнаруживая все большую связь с политикой. Наиболее сложная ситуация возникла на Северном Кавказе, где сложившийся комплекс внутриконфессиональных и межэтнических противоречий, усиленный рядом значительных внешних факторов, породил ряд острых и кровопролитных конфликтов.

Проблема исламского фундаментализма на Северном Кавказе нами рассматривается как проблема всей страны в целом, основываясь на примере Республики Дагестан. В статье будет исследовано то негативное влияние, которое оказывает нестабильная обстановка в Дагестане на другие регионы России и как нестабильная обще-